

Правовая легитимность как диалог законодателя с его адресатами о праве и справедливости*

Д. И. Луковская

Для цитирования: Луковская Д. И. Правовая легитимность как диалог законодателя с его адресатами о праве и справедливости // Правоведение. 2021. Т. 65, № 4. С. 484–498.
<https://doi.org/10.21638/spbu25.2021.407>

Статья посвящена вопросу о том, является ли справедливость права необходимым условием его легитимности. Традиционный подход к пониманию легитимности права сосредоточивается только на адресатах норм — их общественном признании или признании, по Г.Харту, теми, кто принимает и использует нормы как руководство к действию. При таком подходе законодатель оказывается в лучшем случае нейтральным к дальнейшей судьбе норм, автором которых он является. Однако, по мнению автора, необходим постоянно возобновляемый диалог законодателя с его адресатами (судьями, чиновниками, а также представителями гражданского общества, «обычными» гражданами). Обосновывается концепция такого диалога в контексте соотношения легитимности и легальности, законности и справедливости. С точки зрения автора, это — диалог о «справедливом праве» с акцентом на морально-правовой ценности справедливости — справедливости как содержательном равенстве (равенстве в должном). Во взаимном признании законодателя и его адресатов достигается желаемый консенсус в отношении действующих норм права. Тем самым осуществляется легитимация права как «справедливого права» — должного в соответствии не с какими-либо преходящими внешними целями, а прежде всего с коренящейся в самой природе права идеей справедливости как базовой ценности права. Эти ценности не релятивны, но и не автономны. Справедливость рассматривается автором в ее необходимой взаимосвязи, взаимообусловленности с другими базовыми ценностями — свободой (равенством в свободе), достоинством человека. Предлагаемый подход может быть положен в основу дискуссионного вопроса о том, как соотносятся те или иные принципы права. В работе критически оцениваются представления о «материальном равенстве», соразмерности как «справедливом неравенстве». При обсуждении вопроса о соотношении принципов права автор исходит из того, что базовые ценности права, воплощаясь в принципах права, приобретают тем самым нормативную практическую направленность, обязывая следовать этим принципам и законодателя, и правоприменителей. Всем общим принципам права как требованиям справедливости присущ потенциал справедливости, которая, будучи общеправовым принципом, побуждает адресатов норм к их критической оценке и обращению к законодателю с требованиями о должном, «справедливом праве». Такие требования позволяют наметить реальные перспективы политики права. Отмечается заметное сближение современных модернизированных теорий естественного права с современным «мягким» позитивизмом. Автор полагает, что в настоящее время именно «наука политики права» (Л. И. Петражицкий) могла бы синтезировать идеи позитивности и «естественности» права, исходя из имманентной природе права долженствования его «правильности», справедливости. Это способствовало бы проведению таких инновационных законодательных преобразований, которые получили бы легитимационную санкцию в качестве «справедливого права».

Ключевые слова: справедливость, легитимность права, базовая ценность права, принцип права, позитивизм, естественное право, политика права.

Луковская Дженевра Игоревна — д-р юрид. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9; d.lukovskaya@spbu.ru

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ в рамках проекта № 19-011-00528 «Концепт справедливости в современной российской правовой системе».

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2022

1. Позитивизм и непозитивизм о праве и справедливости

Соотношение права и справедливости — одна из вечных проблем философии права, сквозных в ее истории. Хорошо известно противостояние по этой проблеме, хотя и заметно смягчаемое, позитивизма и учений о естественном праве: позитивизмом справедливость выводится за пределы права, представители непозитивизма (прежде всего юснатурализма) рассматривают справедливость как внешний (классические теории естественного права) или заложенный в самой правовой системе (современный юснатурализм) моральный императив, обращенный к позитивному правопорядку. Согласно отечественной либертарно-юридической теории, тоже непозитивистской, справедливость имманентна праву («только право и справедливо»¹), коренится в его природе, но при этом право отделено от морали².

В российском дискурсе справедливости нельзя не увидеть акцент на морально-правовой ценности справедливости (правды-справедливости), на внутренней взаимообусловленности, «взаимоутверждении» права и морали. Характерное для такого подхода понимание справедливости как морально должного в человеческих отношениях позволяет включить справедливость в жизненный мир субъектов социально-правового общения. Справедливость тогда выступает как своего рода «моральный капитал» того или иного сообщества. При этом она остается «наиболее публичной и наиболее правовой» из всех добродетелей³.

Позитивизм, отвлекаясь от этических проблем, стремясь избежать моральных суждений и идеологизированной аргументации в вопросах, которые считались чисто юридическими, тем не менее, как отмечает Е. В. Афонасин, всегда придавал значение вопросу о ценностном содержании позитивного права⁴. У представителей правового позитивизма во всех его вариантах — от крайнего волюнтаризма до умеренных вариантов, признающих «минимальный набор» естественных прав, — сомнения вызывал «не вопрос о том, должно ли право быть справедливым, но является ли справедливость права необходимым условием его легитимности»⁵. Именно так можно было бы обозначить не только ключевое концептуальное расхождение между позитивизмом и юснатурализмом, но и водораздел между признанием (легитимацией) права как любого действующего права, независимо от его содержания, и признанием права как «справедливого права».

2. Легитимность права и легальность

Традиционно легитимность права рассматривают как его признание (общее, всеобщее признание), одобрение (отдельных норм, правопорядка в целом), предполагающее согласие субъектов соблюдать правила, установленные в данной нормативной системе. Легитимность права — результат его легитимации, процесса (процедуры) признания по тем или иным критериям действительности (валидности) права, а следовательно, и его общепризнанной юридической силы.

¹ *Нерсисянц В. С.* Философия права. М.: Норма, 2005. С. 28.

² Критику понимания справедливости как внешнего начала по отношению к правовой системе с позиций либертарно-юридической теории см.: *Лапаева В. В.* Российская философия права в контексте западной философско-правовой традиции // Вопросы философии. 2010. № 5. С. 9.

³ *Харт Г. Л. А.* Понятие права / пер. с англ.; под общ. ред. Е. В. Афонасина, С. В. Моисеева. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2007. С. 169.

⁴ *Афонасин Е. В.* Истоки и базовые проблемы современной философии права // Харт Г. Л. А. Понятие права. С. 298–299.

⁵ Там же. С. 299.

В текущей юридической практике проблема правовой легитимности возникает применительно к отдельным нормам и институтам, законодательным инновациям. И только в крайних случаях, когда под угрозой разрушения оказывается социальный порядок в целом, речь может идти о легитимности всей соответствующей нормативной системы.

В современной отечественной философии права, в том числе ориентированной на интересубъективные основания правовой легитимности, не уделяется специального внимания такому коммуникативному аспекту права, как его легитимация в постоянно воспроизводимых отношениях между нормоотправителем (законодателем) и нормополучателями (прежде всего судьями, чиновниками, а также представителями гражданского общества, «обычными» гражданами)⁶. Как можно предположить, это объясняется тем, что с фигурой законодателя связывается легальность — официальная процедурная форма легитимации права. Позитивисты чаще всего отождествляют легитимность и легальность, полагая, что формальная процедурная легальность вполне обеспечивает официальный статус нормы как легитимной⁷. С этим, действительно, нельзя согласиться, если придерживаться непозитивистского понимания права (в любом его варианте).

Формально-юридическая легальность восходит к абсолютистскому легализму, который, в свою очередь, возрождал позднеримскую идею («догму») права как волюнтаристского распоряжения императора. Такая легальность находила и методологическое обоснование (например, у Ж. Бодена, правда, не в качестве самодостаточной). Однако она не была еще позитивистской или непозитивистской формой легитимации права. Только к середине XIX в. формально-юридическая легальность получает в позитивизме методологическое и теоретическое обоснование. Позитивизм отождествляет себя с формально-догматической юриспруденцией и придает праву этатистски-приказной характер. Формируется этатистская модель (форма) легитимности права. Этатистский позитивизм презюмирует легитимность права по критерию фактичности — факта происхождения права от государства. Эта форма легитимации права начинает господствовать в европейской юриспруденции. После революционных потрясений во Франции в конце XVIII столетия обнаруживается стремление к унификации и упорядоченности политико-правовых форм общественной жизни. Государство получает «монополию легитимной номинации» (П. Бурдьё), т. е. монополию на законотворческую деятельность в лице парламентских учреждений. Государство-законотворец соответственно рассматривается как единственный источник права, владеющий и монополией на принуждение. При этом праву само государство в своей деятельности не подчиняется, оказываясь «над» правом.

Представления о моральной и социальной нейтральности права исключали метаюридические аспекты правовой легитимности. Существование божественного, естественного права, а также «права народов» (международного права), государственного права не вписывалось в рамки этатистски ориентированной формальной легальности. Прежде всего опровергалась идея естественного права в любом ее истолковании. «Даже самое жалкое позитивное право, — писал К. Бергбом, — превзойдет самое великолепное идеальное право точно так же, как калека, который видит, слышит и действует лучше даже самой прекрасной статуи,

⁶ В контексте коммуникативного подхода к пониманию права см. об этом: Хук М. ван. Право как коммуникация // Правоведение. 2006. № 2. С. 51.

⁷ Как известно, легальность предполагает соблюдение в определенных институциональных рамках формальных процедурных требований к правоустановлению как условие законности существования и функционирования правопорядка.

которая глуха, слепа и неподвижна»⁸. В рамках позитивного правопорядка жестко формализовалась деятельность судебного корпуса. Теория толкования воли законодателя, формировавшаяся еще при абсолютизме, допускала только буквальное толкование подлежащей применению нормы. Толкование сводилось к построению судьей дедуктивного силлогизма и исключало обращение к каким-либо внезаконодательным факторам.

3. Диалог законодателя с его адресатами

Легальность и сегодня навевает образ законодателя, рассматривающего норму как приказ ее адресатам. С таким законодателем диалог невозможен: он заменяется государственной пропагандой, идеологическим диктатом, в том числе ссылками на формальную законность.

Не имеет перспективы и диалог с судьями, если они заранее, как, например, идеальный судья Геракл, готовы одержать верх над законодателем в понимании смысла нормы или вообще претендуют на роль правотворцев. Актуализация права в правосудии — примечательный сюжет современной постклассической юриспруденции, в том числе континентальной. Согласно этому сюжету, только в правосудии, здесь и сейчас, право получает легитимационную санкцию. Так, в концепции А. Кауфманна лишь на стадии правосудия право оказывается полностью и целиком действительным⁹. На этой стадии, полагает украинский философ права С. И. Максимов, право возникает из закона. Право и есть то, что возникает из закона в процессе правосудия¹⁰.

В диалоге законодателя с его адресатами участвуют члены гражданского общества. Как адресаты парламентского законодателя, субъекты гражданского общества апробируют его отношения с «обычными» гражданами, с исполнительной и судебной властью. Деятельность таких субъектов далеко не всегда институционализируется, тем более далеко не всегда обнаруживает свою «внесистемность». Она сопоставима с «публичной сферой», которая, согласно делиберативно-дискурсивной концепции Ю. Хабермаса, выступает в процессе легитимации права в качестве медиатора между индивидами и официальной властью¹¹. Однако в этой концепции консенсус, достигаемый в «публичной сфере», легитимирует правовые инновации, если в результате рационального дискурса каждый его участник из адресата нормы превращается в ее автора¹². Ввиду отсутствия адресатов исключается и диалог с ними.

Гуманистическая концепция самозаконодательства индивидов, восходящая к Ж.-Ж. Руссо, не предусматривает обязательности нормы для ее автора.

⁸ Бергбом К. Юриспруденция и философия права // Антология мировой правовой мысли: в 5 т. Т. 3. М.: Мысль, 1999. С. 497.

⁹ Кауфманн А. Онтологическая структура права // Российский ежегодник теории права. 2008. № 1. С. 173.

¹⁰ Максимов С. И. Правовая реальность: опыт философского осмысления. Харьков: Право, 2002. С. 187.

¹¹ Ю. Хабермас предлагает, прибегнув, как он сам признает, «к помощи институциональной фантазии», подумать «о том, каким образом следовало бы дополнить существующие парламентские учреждения институтами, которые подвергли бы исполнительную власть, включая органы юстиции, усиленному легитимационному давлению со стороны заинтересованной клиентуры и правовой общественности» (Хабермас Ю. Наследие Французской революции // Хабермас Ю. Демократия. Разум. Нравственность. Московские лекции и интервью / отв. ред. Н. В. Мотрошилова. М.: КАМІ; Academia, 1992. С. 71–72).

¹² См. подробнее: Мелкевик Б. Юрген Хабермас и коммуникативная теория права / пер. с франц. Е. В. Самохиной; науч. ред. А. В. Поляков. СПб.: Алеф-Пресс, 2018. С. 36–49.

Что же тогда побуждает индивида следовать норме, без всякой обращенной к нему санкции? Только ответственное самообязывание. Но совместима ли такая автономия индивида («эгоиста», по М. Штирнеру) с существованием институциональных форм правовой легитимации, а в конечном счете, в соответствии с выводами анархо-индивидуализма, с существованием государства и позитивного права как таковых?

В ходе легитимации права неизбежно сталкиваются требования стабильности и определенности правопорядка и его динамичного развития, стимулируемого адресатами правовых предписаний. Обнаруживается своего рода легитимационный парадокс: постоянное воспроизводство легальности (отдельных норм, институтов) требует от законодателя, с одной стороны, поддержания официального статуса нормы, а с другой — внимания к ее содержательности, удовлетворяющей адресатов нормы, соответствующей их представлениям о «справедливом праве». Как складываются при этом отношения законности (формальной законности) и справедливости?

4. Законность и справедливость

В условиях относительной социальной стабильности официальные процедуры правоустановления, в принципе, удовлетворяют спрос общественного сознания на право и справедливость (правовую справедливость). Справедливость выступает тогда как стремление к легальности («справедливость законного», по Аристотелю), устойчивости, стабильности, определенности в отношениях субъектов правового общения. Справедливость даже ощущает себя исконной добродетелью, полагая, что воздавать должное «по закону» справедливо, а, например, «по привилегиям» или сообразуясь с корпоративной солидарностью — нет. Справедливости в качестве должного соответствует в этих условиях и образ судьи — «слуги закона». Вообще всех, кажется, устраивает взгляд на право как «лишь на то, что функционирует как право, без какого-либо искажения»¹³.

О критическом настрое адресатов по отношению к действующему праву законодатель узнает, когда без всякого его участия начинается процесс правообразования. Это процесс фактического складывания и признания тех или иных общественных отношений и взаимосвязей людей и их объединений в качестве «нормальных» и «правильных»¹⁴. Обнаруживающее себя в ходе правообразования «живое право» порождает все более ощутимые сомнения в том, что санкционирование нормы законодателем — единственный признак ее легитимности.

Как реагирует на это справедливость в понимании теоретиков «живого права»? Они обращаются к ней главным образом для того, чтобы происходящее «по справедливости» измерять тем, какие из различных интересов имеют больший вес для общества¹⁵. Представители школы «свободного права» обсуждают вопрос о «взвешивании» интересов правоприменителями (Э. Фукс и др.). «Добродетельность» справедливости остается при этом без внимания. Исключается самостоятельная ценность справедливости, безотносительно к чьим-либо интересам, общественной целесообразности.

¹³ Бергбом К. Юриспруденция и философия права. С. 494.

¹⁴ См. об этом: Нерсесянц В. С. Право и закон. Из истории правовых учений. М.: Наука, 1983. С. 344.

¹⁵ См. подробнее: Эрлих О. Основоположение социологии права / пер. с нем. М. В. Антонова; под ред. В. Г. Графского, Ю. И. Гревцова. СПб.: Университетский издательский консорциум, 2011. С. 240–241.

Сторонники «живого права», безусловно, ориентированы на его признание законодателем, на закрепление законодателем в действующем праве предлагаемых ими правовых новаций. Законодатель же далеко не всегда отвечает им «взаимностью». Однако в случае положительной оценки им сложившихся отношений он возводит их в ранг юридической нормы. Тем самым законодатель отвечает на призыв (например, О. Эрлиха) к необходимой коррекции писаного права.

В ситуации нарастающего кризиса формальной законности самокритичная справедливость начинает сомневаться в том, что сможет считать себя добродетелью, если будет одобрять определенность и стабильность правопорядка «любой ценой», поощрять теперь ясно различимый законодательный произвол. И справедливость берет на себя роль критической легитимации права «как права». Отстаивание права по принципу «право есть право» сопровождается критикой официального государственного правоустановления¹⁶, требованием подчинения законодателя праву, утверждения правовых основ деятельности государства. Идея правового государства формулируется со ссылкой на справедливость: государство «должно быть правовым, потому что оно должно быть справедливым»¹⁷.

В России протестная справедливость не желала даже быть юридической справедливостью, которая представлялась «высушенной законнической добродетелью»¹⁸. Было ли такое скорее эмоциональное неприятие закона и формальной законности принципиальной антилегалистской установкой? Отторжение «законничества», как правило, не означало (например, у Н. А. Бердяева) непризнания регулятивной роли позитивного права, тогда как антилегализм основан на представлениях об исключительно репрессивных началах законодательного регулирования¹⁹.

Подавляющее большинство представителей российской юридической науки в своей борьбе за «справедливое право» и правовое государство не посягали при этом на идею позитивности права. Критика ими официальной легальности нацеливалась на проведение в России назревших преобразований действующего законодательства. К законодателю обращались с рекомендациями, вытекающими из того или иного варианта правопонимания. Так, Л. И. Петражицкий предлагал законодателю считаться с интуитивным правом как не подверженным фиксации и окаменению — с тем, чтобы не произошло крушения закона вследствие его коллизии с интуитивным правом²⁰.

Конституционное признание основных прав человека становится победой справедливости. Теперь справедливость зорко следит за нерасторжимостью своих уз со свободой, признавая несправедливым любое нарушение человеческих прав как в законотворческой, так и в правоприменительной деятельности. Воздаяние «по закону» (по нормам текущего законодательства) признается справедливым с тем условием, что закон соотносится с конституционными принципами права

¹⁶ «Акт признания или непризнания государственною властью тех или других норм за право, — писал Е. Н. Трубецкой, — очевидно, не может послужить признаком для различения права от неправа, ибо этот акт, в свою очередь, покоится на праве, присвоенном государственной власти» (*Трубецкой Е. Н. Энциклопедия права*. СПб.: Юридический институт, 1998. С. 17–18).

¹⁷ *Котляревский С. А.* Власть и право: Проблема правового государства. М.; СПб.: МВД России, С.-Петербург. ун-т, 2001. С. 335.

¹⁸ *Бердяев Н. А.* О назначении человека. Опыт парадоксальной этики. Париж: Современные записки, 1931. С. 103.

¹⁹ Такой антилегализм, хотя и не предусматривающий академической аргументативности, исповедовали Л. Н. Толстой и Ф. М. Достоевский. Они оба, писал Н. А. Бердяев, «восстают против неправды закона, выражают русский дух антизаконничества» (*Бердяев Н. А.* Истоки и смысл русского коммунизма. М.: Наука, 1990. С. 72).

²⁰ *Петражицкий Л. И.* Теория права и государства в связи с теорией нравственности. СПб.: Лань, 2000. С. 415.

и прав человека, т. е. с требованиями самой справедливости. Конституционное правосудие, руководствуясь этими принципами, принимает отныне деятельное участие в диалоге законодателя с его адресатами.

5. Эволюция юридического позитивизма

Юридический позитивизм (нормативизм) XX столетия в лице Г. Кельзена, Г. Харта, а также представителей скандинавского правового реализма (А. Хэгерстрёма, К. Оливекроны), оставаясь в оппозиции в той или иной мере юснатурализму, преодолел волевою нормативностью этатистского позитивизма. По мысли известного итальянского правоведа Э. Паттаро, «всеим присуща антиметафизическая и антиволютаристская направленность в объяснении правовых явлений, особое внимание к нормативности в праве, последовательное различение норм (правил) и приказов, признание ключевой и специфической роли основополагающих правовых норм в государстве (конституционных норм, правил признания) и т. п.»²¹. В этой своей «нормативистской галерее семейных портретов» Э. Паттаро особо выделил Г. Харта²².

«Нормативизм» Г. Харта нуждается в пояснениях. Прежде всего, обращает на себя внимание сам термин «признание» в центральном понятии его теории — «правиле признания» как наивысшем критерии легитимности всех других правил системы. Это уже само по себе свидетельствует о включении им психологических элементов в понятие права. Но Харт исходил также из того, что правило признания существует как согласованная деятельность различных субъектов (прежде всего судов), т. е. социологизировал критерий легитимности права.

Со второй половины XX в. включение позитивизмом, не без влияния Харта, в теоретический анализ права социологических и психологических элементов стало уже заметной тенденцией²³. И справедливость теперь не отождествляется с соответствием закону²⁴. Более того, Г. Харт убежден в том, что «как велика ни была бы аура величия или авторитета системы официальной власти, ее требования должны в окончательном итоге подвергаться проверке с точки зрения морали»²⁵. Между правом и моралью есть в некотором смысле «необходимая» связь²⁶. Нельзя не признать «ядро здравого смысла в доктрине естественного права»²⁷. Во всяком случае необходимо «минимальное естественное право», способствующее «минимальной задаче выживания, стоящей перед объединяющимися друг с другом людьми»²⁸.

Центральное правило (принцип) справедливости, по Харту, заключено в формуле: «Трактуя одинаковые случаи одинаково, а разные — по-разному»²⁹. По мнению Д. Финниса (John Finnis), представителя естественно-правовой традиции в философии права, это правило нельзя считать просто формальным, и Г. Харт вполне с этим согласен. Но Д. Финнис, в отличие от Г. Харта, выводит из него

²¹ Цит. по: Касаткин С. Н. Нормативно-реалистическая перспектива философии права // Российский ежегодник теории права. 2008. № 1. С. 268.

²² Там же. С. 269.

²³ См. об этом: Краевский А. А. Чистое учение о праве и современный юридический позитивизм // Правоведение. 2015. № 2. С. 94.

²⁴ Харт Г. Л. А. Понятие права. С. 163.

²⁵ Там же. С. 211.

²⁶ Там же. С. 157.

²⁷ Там же. С. 200.

²⁸ Там же. С. 195.

²⁹ Там же. С. 161.

прежде всего категорическое требование рассматривать всех человеческих существ как одинаковых в своей сути. Так что «принцип, воспреещающий пытки во всех случаях, есть принцип справедливости»³⁰. Акты пыток не могут быть оправданы, например, ссылкой на справедливые требования общественного порядка³¹.

В основе подхода Д. Финниса лежит представление о ценности человека как такового, о постоянстве его сущности, о его «равенстве самому себе» (Руссо). Можно сказать, что речь идет о базовых ценностях человеческого существования, а значит, и о базовых ценностях (принципах) права, о базовой ценности справедливости как равенства в его глубинном понимании.

6. Справедливость как равенство — базовая ценность права

Начиная с Античности справедливость представляла себя как равенство, соразмерность (уравнивающая и распределяющая справедливость). Однако аутентичное прочтение античных принципов права (предписаний «честно жить», «никому не вредить», «воздавать каждому свое») приводит к выводу, что воздавать каждому свое предлагалось по принципу «Лучшие должны получить лучшее, а худшие — худшее»³². Цицероновское «великое равенство» не было и не могло быть равенством, исключая какую-либо дискриминацию по отношению к участникам правового общения, равенством возможностей в доступе к социальным благам.

К Просвещению восходит понимание равенства как признания в другом личности, равной нашей. Из признания равенства всех «как личностей» исходит социальный эгалитаризм, требующий материального имущественного равенства (например, в учении П.-Ж. Прудона). В материальном равенстве, так истолкованном, нельзя не усмотреть угрозу свободе. Поэтому справедливость, ориентируясь на соразмерность основных и социальных прав, отстаивает в союзе со свободой не материальное равенство как социальную «уравниловку», а соразмерность материальных условий в реализации основных прав всеми субъектами, включая социально слабых. Правовая справедливость выступает здесь, если прибегнуть к образу права у Э. Дюркгейма, как «символ социальной солидарности»³³.

Тем не менее упреки распределительной справедливости со стороны адресатов соответствующих правовых предписаний повсеместны и постоянны. Это и старые упреки с акцентом на материальное равенство (например, требование «уравнительности» в налоговом законодательстве), и одобрение неравенства, если улучшается положение наименее преуспевающих, и т. п. Дж. Ролз, подчеркивая неприемлемость подобной социальной релятивизации справедливости, отстаивает в полемике с Р. Дворкином глубинный смысл справедливости как равенства в его связи с уважением, на которое имеет право каждый, независимо от его социального положения³⁴.

Справедливость как равенство стремится к содержательному равенству, обусловленному ее статусом базовой ценности права. Приоритетна ли она по сравнению с другими базовыми ценностями? Пожалуй, на роль приоритетной и даже

³⁰ Финнис Д. Естественное право и естественные права / пер. с англ. В. П. Гайдамака и А. В. Пахиной. М.: ИРИСЭН, Мысль, 2012. С. 208.

³¹ Там же. С. 268–269.

³² См. подробнее: Аксенова О. В. Римско-правовая категория *iustitia*: историко-лингвистическое осмысление // История государства и права. 2010. № 21. С. 12–13.

³³ Дюркгейм Э. О разделении общественного труда // История политических и правовых учений / сост. В. В. Ячевский. Воронеж: Воронежский ун-т, 2000. С. 913.

³⁴ См. подробнее: Дворкин Р. Справедливость и права // Отечественные записки. 2003. № 2 (11). URL: <http://www.strana-oz.ru/2003/2/spravedlivost-i-prava> (дата обращения: 07.11.2021).

абсолютно приоритетной ценности может претендовать только достоинство человека. Но и оно, понимаемое как равнодостоинство (а не достоинство только мудрых, как думали стоики), вписывается в требования справедливости.

Базовые ценности права, такие как свобода (равенство в свободе), достоинство человека, справедливость, — это и базовые ценности совместной жизни людей. Они могут рассматриваться как идеальные модели человеческого сообщества, не зависящие от его конкретно-исторических форм. ими обусловлено само существование государства и права³⁵. Следование этим ценностям — необходимая гарантия прав личности, правового характера законодательных правил.

Базовые ценности права не только не релятивны, но и не автономны. В своей неразрывности, взаимосвязи, взаимосоотнесенности они образуют единое смысловое поле. Все базовые ценности права выражают требования справедливости, но одновременно все они выражают требования свободы, достоинства человека.

Эти ценности и есть идеальная предоснова конкретных исторических форм справедливости. Можно, конечно, попытаться найти основу равенства в исторически преходящих социальных и идеологических предпочтениях или в формальных требованиях закона — распределять ли блага по рангу, по потребностям, по заслугам или по закону. Но, по признанию Х. Перельмана, как ни комбинируй формулы такой конкретной справедливости, вывод окажется неутешительным: справедливость — «одно из наиболее безнадежно запутанных понятий»³⁶.

Будучи базовой ценностью права, справедливость, как можно предположить, особенно применительно к российскому менталитету, является искомым метаправом (В. Д. Зорькин). Благодаря присутствию в праве справедливости оно обнаруживает свою внутреннюю моральность, свое нравственное постоянство. Ведь воля, размышлял Августин, у нас всегда свободная, но не всегда добрая³⁷.

Справедливость, считал В. С. Соловьев, «не есть простое равенство, а равенство в исполнении должного»³⁸. Равенство в должном предполагает способность человека отличать добро от зла, состояние свободы от состояния рабства, хотя бы и равного для всех³⁹, наконец, способность к самой справедливости⁴⁰. Это —

³⁵ О базовых ценностях права в контексте авторской коммуникативной теории права см.: *Поляков А. В.* О некоторых философско-правовых аспектах соотношения права и экономики // Жизнь права: правовая теория, правовая традиция и правовая реальность: материалы VI междунар. науч.-практ. конф. Краснодар: Кубанский государственный университет, 2021. С. 177–179. — Эта тема разрабатывается автором в целом ряде публикаций последних лет. Указанная выше публикация — одна из новейших.

³⁶ *Перельман Х.* Справедливость // Российский ежегодник теории права. 2011. № 4. С. 631.

³⁷ В контексте личностной (не индивидуалистической) антропологии свобода не рассматривается как этически нейтральная категория. См., напр.: *Тимошина Е. В.* «Бог не взирает на лице человека»: принцип формального равенства в свете христианской антропологии // Принцип формального равенства и взаимное признание права / под общ. ред. В. В. Лапаевой, А. В. Полякова, В. В. Денисенко. М.: Проспект, 2016. С. 60.

³⁸ *Соловьев В. С.* Оправдание добра: нравственная философия. М.: Академический проект, 2010. С. 596.

³⁹ Равенство в должном, писал А. С. Яценко, необходимо именно потому, что «может быть всеобщее равенство в погромах и в умерщвлении» (*Яценко А. С.* Философия права Владимира Соловьева. Теория федерализма. Опыт синтетической теории права и государства. СПб.: С.-Петербург. ун-т МВД России, Алетейя, 1999. С. 129).

⁴⁰ У Дж. Ролза, сторонника договорного происхождения принципов справедливости, единственной ее внедоговорной характеристикой является способность человека к справедливости, что и позволяет человеку стать участником рационального выбора этих принципов «под занавесом неведения» (см. подробнее: *Ролз Дж.* Теория справедливости / науч. ред. В. В. Целищев. Новосибирск: Новосибирский ун-т, 1995. С. 26 и сл.).

равенство, «восстановленное Добром»⁴¹, апеллирующее к «доброй совести»⁴². Оно приближает нас к справедливости как добродетели с ее нравственными целями и даже сократовской готовностью во имя справедливости претерпеть и несправедливость. Справедливое распределение социальных благ не может не включать и мотив милосердия.

Базовые ценности права обрисовывают идеальное пространство коммуникаций законодателя и его адресатов. Воплощаясь в принципах права, они приобретают тем самым нормативную практическую направленность, обязывая следовать этим принципам и законодателя, и правоприменителей (судей, чиновников)⁴³. Общим принципам права как требованиям справедливости присущ критический потенциал самой справедливости. Принципы справедливости в качестве источника нормативности права, подчеркивал Дж. Ролз, должны обеспечить рациональную критику любой социальной организации⁴⁴.

Справедливость может обязать судью не применять правонарушающую (крайне несправедливую) норму. Отказываясь применить такую норму, судья как бы прерывает свои отношения с законодателем в качестве автора нормы. Можно сказать, что судья морально побеждает законодателя, но побеждает именно в диалоге с ним. Диалог презюмируется и даже развивается, например, вокруг вопроса о том, является ли крайне несправедливая норма еще и юридически дефектной.

7. Справедливость как общеправовой принцип

В отечественной теории и философии права остается дискуссионным вопрос о том, как соотносятся те или иные принципы права, в том числе принципы справедливости и равенства, справедливости и эквивалентности и др. В основу обсуждения этого вопроса может быть положено представление о принципиальной взаимообусловленности базовых ценностей (а значит, и принципов) права. Так, по мнению В. Д. Зорькина, конституционный принцип справедливости обусловлен общеправовым принципом равенства⁴⁵. Однако этому утверждению вряд ли противоречит признание равенства принципом справедливости, а следовательно, и справедливость может претендовать на роль общеправового принципа. Справедливость и есть равенство.

⁴¹ Соловьев В. С. О причинах упадка средневекового миросозерцания // Соловьев В. С. Сочинения: в 2 т. / сост. Н. В. Котрелев. Т. 1. М.: Наука, 1989. С. 358.

⁴² Д. В. Дождев, усматривая в понятиях «добрая совесть», «добрый муж» возведение правового в этический принцип (а не наоборот, как это принято считать), тем не менее отмечает фиксацию в этих понятиях необходимого момента юридического (формального) равенства в качестве этической категории, признавая таким образом, что принцип равенства не так уж и свободен от связи с моралью (приводится по обзору материалов конференции о проблемах соотношения права и морали: *Графский В. Г.* Право и мораль в истории: проблемы ценностного подхода // Государство и право. 1998. № 8. С. 118). См. также: *Тимошина Е. В.* Разделительный тезис либертарно-юридической теории и основания действительности права // Труды Института государства и права РАН. 2018. Т. 13, № 4. С. 75.

⁴³ По мнению Р. Дворкина, принципы, направляя деятельность судьи, тем не менее не имеют прямой связи с судебными решениями (*Дворкин Р.* О правах всерьез / пер. с англ. и ред. Л. Б. Макеева. М.: РОССПЭН, 2004. С. 71). Судья следует еще и лежащим в основе Конституции весьма неопределенным стратегиям (конституционным целям) (Там же. С. 188). Сообразуя свою деятельность не с принципами, а со стратегиями, судья выступает в роли законодателя.

⁴⁴ Ролз Дж. Теория справедливости. С. 19.

⁴⁵ Зорькин В. Д. Суть права. Лекция для участников VII Петербургского международного юридического форума 18 мая 2017 г. URL: https://spblegalforum.ru/ru/2017_RoundTable_Lecture_Zorkin (дата обращения: 07.11.2021).

Отрицая всеобщность действия справедливости в сфере права, В. М. Сырых считает общеправовым принципом не справедливость, а эквивалентность⁴⁶. Но справедливость как равенство обнаруживает себя и в эквивалентности, соразмерности. Справедливость и есть эквивалентность, соразмерность. Только моральный авторитет справедливости может предотвратить доминирование меркантильности в обменных, договорных отношениях.

Имея в виду идею справедливости как соразмерности, И. А. Ильин утверждал, что справедливость требует не «равенства», а предметного (обоснованного) неравенства. На этом основании он считал несовместимыми со справедливостью не только социальную уравнивательность, не только искусственное уравнивание («равенство в рабстве»), с чем нельзя не согласиться, но и «правовое уравнение» — уравнение людей перед законом и по закону как всего лишь «условный компромисс во имя порядка, организации и пользы»⁴⁷. Справедливость, по Ильину, «требует неравенства в правах», приспособленного к «человеческим неодинаковостям»⁴⁸. При таком подходе соразмерность как «справедливое неравенство» оказывается вне права и противопоставляется правовой справедливости как равенству, а сама возможность предметного, обоснованного равенства (равенства в должном) не принимается во внимание.

Традиционный подход к пониманию легитимности права сосредоточивается только на адресатах норм. Законодателю, автору правовых норм, отводится при этом в лучшем случае роль нейтрального наблюдателя дальнейшей судьбы норм, получивших от него путевку в жизнь. Между тем легитимация права достигается во взаимном признании законодателя и его адресатов, в искомом консенсусе «сторон», в «единстве двух начал» — Слова и Дела⁴⁹. Такой консенсус не может не включать взаимное признание субъектов прав и обязанностей. Неоспоримым остается то, что права и обязанности существуют не только нормативно, но и коммуникативно, т. е. в социальном пространстве, в пространстве поведенческой коммуникации⁵⁰.

8. Перспективы политики права

Желаемый консенсус, если не прибегать к хабермасовской «институциональной фантазии», достигается в рамках «системной демократии» и по своей сути направлен на сохранение и упрочение демократических институтов современного правового государства. Однако этот консенсус, несмотря на его историческую бы-

⁴⁶ Сырых В. М. Материалистическое понимание права и справедливости // Правоведение. 2013. № 2. С. 30. — Справедливость, с точки зрения В. М. Сырых, является только видовым, а не общеродовым признаком права (по автору, признаком норм права). Утверждая это, В. М. Сырых ссылается на наличие в системе норм права большого массива норм, морально и идеологически нейтральных (в технико-производственной сфере) или даже противоречащих принципу справедливости (в сфере государственного принуждения). Автор не соглашается выбросить такие нормы за пределы права в угоду естественно-правовой теории (Там же. С. 31–33). По-видимому, это все же следовало бы сделать в отношении норм, противоречащих принципу справедливости. Стоило бы подумать и о том, что справедливость не зависит от количественного критерия ее распознавания вообще и в системе норм права в частности.

⁴⁷ Ильин И. А. Справедливость или равенство? Публицистика 1918–1947 гг. М.: Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, 2006. С. 473–474.

⁴⁸ Там же. С. 467–468.

⁴⁹ См. об этом: Фуллер Л. Л. Анатомия права // Российский ежегодник теории права. 2009. № 2. С. 211.

⁵⁰ См. подробнее: Поляков А. В.: 1) Нормативность правовой коммуникации // Правоведение. 2011. № 5. С. 43–44; 2) Признание права и принцип формального равенства // Принцип формального равенства и взаимное признание права. С. 71.

стротечность, позволяет наметить и вытекающие из легитимационного давления на законодателя адресатов норм реальные перспективы политики права. Адресованные законодателю требования об урегулировании назревших конфликтов путем издания соответствующих норм могут быть удовлетворены, как в свое время писал И. А. Покровский, если сложившееся положение рассматривать не только с точки зрения его истории и его догматики, но и с точки зрения политики права. Жизнь спрашивает «не о том, что было, и не о том, что есть, а о том, как должно быть с точки зрения разумного и справедливого»⁵¹.

В то время, более столетия назад, предполагалось строить политику права на фундаменте естественно-правовых учений. Однако во избежание «ложных толкований и поверхностной критики» Л. И. Петражицкий считал необходимым заменить название «наука естественного права» другим — «наука политики права»⁵². При этом надо было переосмыслить многовековые традиции юснатурализма и прежде всего отмежеваться от присущего ему, как считали многие, дуализма одновременно действующих систем права — естественного и позитивного права. «Отрицательное отношение к дуализму права естественного и положительного, — писал А. С. Яценко, — не есть еще отрицание идеи естественного права»⁵³.

Поиски модернизации теории естественного права продолжаются и в современной постклассической философии права. Критика классической естественно-правовой доктрины сопровождается, как и прежде, утверждением самой идеи естественного права: «Естественно-правовая идея не опровергнута»⁵⁴. Соотношение естественного и позитивного права предстает теперь как их противоречивое единство — как «дуальность» (Р. Алекси, С. И. Максимов), «двойственность» (А. Кауфманн, Г. А. Гаджиев) реальности права, его онтологической структуры. Тем самым намечается сближение учений о естественном праве с позитивизмом, а позитивизма — с естественным правом.

Правда, для этого есть и существенные препятствия. Важнейшее из них — присущие позитивизму, особенно в его «жестких», эксклюзивных вариантах, релятивизм, этический скептицизм⁵⁵. Предстоит еще преодолеть устоявшееся пренебрежение позитивностью права, с одной стороны, и справедливостью — с другой. И вот почему: «Пренебрежение позитивностью угрожает *правопорядку*, пренебрежение справедливостью угрожает *правопорядку*»⁵⁶.

В настоящее время именно политика права могла бы синтезировать принципы позитивности и естественности права, исходя из заложенного в природе права должностования его «правильности», справедливости. Как «советчица» (не прислужница!) законодателя, политика права способствовала бы его диалогу с адресатами о назревших проблемах развития права, о необходимости подготовки им таких инновационных правовых преобразований, которые получили бы легитимационную санкцию в качестве «справедливого права».

Статья поступила в редакцию 3 ноября 2021 г.
Рекомендована к печати 13 ноября 2021 г.

⁵¹ Покровский И. А. Основные проблемы гражданского права. М.: Статут, 1998. С. 74.

⁵² Петражицкий Л. И. Введение в науку политики права // Петражицкий Л. И. Теория и политика права. Избранные труды / науч. ред. Е. В. Тимошина. СПб.: Юридическая книга, 2010. С. 33.

⁵³ Яценко А. С. Философия права Владимира Соловьева. С. 124.

⁵⁴ Кауфманн А. Онтологическая структура права. С. 155.

⁵⁵ Представитель современного позитивизма, известный аргентинский правовед Е. В. Булыгин, рассматривает этический скептицизм «как определяющую черту правового позитивизма» (Булыгин Е. В. Избранные работы по теории и философии права / пер. с англ., нем., исп.; под науч. ред. М. В. Антонова, Е. Н. Лисанюк, С. И. Максимова. СПб.: Алет-Пресс, 2016. С. 71).

⁵⁶ Кауфманн А. Онтологическая структура права. С. 157.

Legitimacy of law as a dialogue between the legislator and his addressees about law and justice*

D. I. Lukovskaia

For citation: Lukovskaia, Dzhenevra I. 2021. Legitimacy of law as a dialogue between the legislator and his addressees about law and justice. *Pravovedenie* 65 (4): 484–498. <https://doi.org/10.21638/spbu25.2021.407> (In Russian)

Is justice a necessary condition for law's legitimacy? Traditionally, the legitimacy of law has focused on addressees of the norms — public acceptance or, according to H. Hart, by those who receive and use norms as guidance. Thus, the legislator is preferably neutral about fate of their created norms. Thus, an ongoing dialogue between lawmakers and addressees (primarily judges and officials, but also civil society actors and “ordinary” citizens) is necessary. This dialogue grounds the context regarding the relationship between legitimacy and legality, lawfulness and justice. It is a dialogue about “judicial law” addressed to the moral-legal value of justice — justice as substantive equality (equality in due). Mutual recognition by the legislator and addressees achieves the desired consensus of existing norms. This is how law is legitimized as “judicial law” — due, not because of changing external targets, but because of the rooted idea of justice in the nature of law as the basic value. These values are non-relative but also not autonomous. The author analyses justice as a basic value of law in a necessary connection with other basic values — freedom (equality in freedom) and human dignity. The proposed approach can be at the basis of the discussion how the principles of law correspond. Therefore, the author criticises especially “material equality” and proportionality as a “fair inequality”. By relating legal principles, the basic values of law are embodied in the principles and receive a normative practical orientation, thus obliging lawmakers and law enforcers to follow these principles. The critical potential of justice characterizes general legal principles as requirements of justice. As a general legal principle, justice motivates the addressees of norms to critically evaluate them and to request from the legislator a due “judicial law”. This provides a realistic perspective on the legal policy. A “science of the politics of law” (L. I. Petrazhitskii) could synthesise positive and “natural” law, based on the immanent necessity of “rightness” and justice. This would facilitate legislative innovation with legitimating sanction of “judicial law”.

Keywords: justice, legitimacy of law, basic value of law, principle of law, positivism, natural law, legal policy.

References

- Afonasin, Evgenii V. 2007. The origins and basic problems of modern philosophy of law. Hart, Herbert L. A. *The Concept of law*, eds Evgenii V. Afonasin, Anton B. Didikin, 296–300. St Petersburg, St Petersburg University Press. (In Russian)
- Aksenova, Olga V. 2010. The Roman legal category of iustitia: Historical and linguistic reflection. *Istoriia gosudarstva i prava* 21: 9–14. (In Russian)
- Berdiaev, Nikolai A. 1931. *About the purpose of man. An experience of paradoxical ethics*. Paris, Sovremennye zapiski Publ. (In Russian)
- Berdiaev, Nikolai A. 1990. *The roots and meaning of Russian communism*. Moscow, Nauka Publ. (In Russian)
- Bergbohm, Karl. 1999. Jurisprudence and philosophy of law. *Anthology of global legal thought*. In 5 vols, vol. 3: 493–498. Moscow, Mysl' Publ. (In Russian)
- Bulygin, Evgenii V. 2016. *Selected works in the theory and philosophy of law*, eds Antonov Mikhail V., Lisaniuk Elena N., Maksimov Sergei I. St Petersburg, Alef-Press Publ. (In Russian)
- Durkheim, Émile. 2000. About the division of social work. *History of political and legal studies*, ed. by Vitalii V. Iachevskii: 904–919. Voronezh, Voronezhskii universitet Publ. (In Russian)

* The article was prepared with financial support from the Russian Foundation for Fundamental Studies under the project no. 19-011-00528 “The Concept of Justice in the Modern Russian Legal System”.

- Dworkin, Ronald. 2003. Justice and rights. *Otechestvennyye zapiski* 2 (11). Available at: <http://www.strana-oz.ru/2003/2/spravedlivost-i-prava> (accessed: 07.11.2021).
- Dworkin, Ronald. 2004. *Taking rights seriously*, transl. and ed. by Lolita B. Makeeva. Moscow, ROSSPEN Publ. (In Russian)
- Ehrlich, Eugen. 2011. *Basics of sociology of law*, transl. by Mikhail V. Antonov, ed. by Vladimir G. Grafskii, Iurii I. Grevtsov. St Petersburg, Universitetskii izdatel'skii konsortium Publ. (In Russian)
- Finnis, John. 2012. *Natural law and natural rights*, transl. by Vasilii P. Gaidamak, Anna V. Panikhina. Moscow, IRISEN, Mysl' Publ. (In Russian)
- Fuller, Lon. 2009. Anatomy of law. *Rossiiskii ezhegodnik teorii prava* 2: 204–319. (In Russian)
- Grafskii, Vladimir G. 1998. Law and morality in history: Problems of values approach. *Gosudarstvo i pravo* 8: 114–119. (In Russian)
- Habermas, Jürgen. 1992. *Democracy. Intellect. Morality: Moscow lectures and interviews*, ed. by Nelli V. Motroshilova. Moscow, KAMI, Academia Publ. (In Russian)
- Hart, Herbert L. A. 2007. *The Concept of law*, transl. and ed. by Evgenii V. Afonasin, Anton B. Didikin. Rus. ed. St Petersburg, St Petersburg University Press. (In Russian)
- Hoecke, Mark van. 2006. Law as communication. *Pravovedenie* 2: 44–54.
- Iashchenko, Aleksandr S. 1999. *Vladimir Soloviev's philosophy of law. A theory of federalism. Experience of a synthetic theory of law and state*. St Petersburg, Sankt-Peterburgskii universitet MVD Rossii, Aleteiia Publ. (In Russian)
- Il'in, Ivan A. 2006. *Justice or equality? Publicity 1918–1947*. Moscow, Pravoslavnyi Sviato-Tikhonovskii gumanitarnyi universitet Publ. (In Russian)
- Kasatkin, Sergei N. 2008. A normative-realist perspective on the philosophy of law. *Rossiiskii ezhegodnik teorii prava* 1: 259–283. (In Russian)
- Kaufmann, Arthur. 2008. The ontological structure of law. *Rossiiskii ezhegodnik teorii prava* 1: 151–174. (In Russian)
- Kotliarevskii, Sergei A. 2001. *Power and the law: The problem of the state of law*. Moscow, St Petersburg, MVD Rossii, St Petersburg University Press. (In Russian)
- Kraevskii, Arsenii A. 2015. The pure doctrine of law and modern legal positivism. *Pravovedenie* 2: 88–125. (In Russian)
- Lapaeva, Valentina V. 2010. "Russian philosophy of law in the context of the Western legal and philosophical tradition". *Voprosy filosofii* 5: 3–14. (In Russian)
- Maksimov, Sergei I. 2002. *Legal reality: An experience of philosophical reflection*. Khar'kov, Pravo Publ.
- Melkevik, Bjarne. 2018. *Jürgen Habermas and communicative law theory*, transl. by Ekaterina V. Samokhina, ed. by Andrei V. Poliakov. St Petersburg, Alef-Press Publ. (In Russian)
- Nersesiants, Vladik S. 1983. *Law and the rule of law. From the history of legal studies*. Moscow, Nauka. Publ. (In Russian)
- Nersesiants, Vladik S. 2005. *Philosophy of law*. Moscow, Norma Publ.
- Perelman, Chaïm. 2011. Justice. *Rossiiskii ezhegodnik teorii prava* 4: 627–672. (In Russian)
- Petrazhitskii, Lev I. 2000. *Theory of law and state in relation to moral theory*. St Petersburg, Lan' Publ. (In Russian)
- Petrazhitskii, Lev I. 2010. Introduction to the science of legal policy. Petrazhitskii, Lev I. *Theory and politics of law. Selected works*, ed. by Elena V. Timoshina, 3–187. St Petersburg, Iuridicheskaiia kniga Publ. (In Russian)
- Pokrovskii, Iosif A. 1998. *Fundamental problems of civil law*. Moscow, Statut Publ. (In Russian)
- Poliakov, Andrei V. 2011. The normativity of legal communication. *Pravovedenie* 5: 27–45. (In Russian)
- Poliakov, Andrei V. 2016. Recognition of law and the principle of formal equality. The principle of formal equality and mutual recognition of law, edited by Valentina V. Lapaeva, Andrei V. Poliakov, Vladislav V. Denisenko, 70–85. Moscow, Prospekt Publ. (In Russian)
- Poliakov, Andrei V. 2021. About some philosophical-legal aspects of the relationship between law and economics. *Life of law: legal theory, legal tradition and legal reality. Proceedings of the Sixth International Scientific-Practical Conference*, 177–179. Krasnodar, Kubanskii gosudarstvennyi universitet Publ. (In Russian)
- Rawls, John. 1995. *Theory of justice*, ed. by Vitalii V. Thelishchev. Novosibirsk, Novosibirskii universitet Publ. (In Russian)

- Solov'ev, Vladimir S. 1989. Debate on the essay "On the causes of the fall of the medieval vision of the world". Solov'ev, Vladimir S. *Complete works*. In 2 vols, vol. 1, ed. by Nikolai V. Kotrelev, 344–358. Moscow, Nauka Publ. (In Russian)
- Solov'ev, Vladimir S. 2010. *Justification of goodness: moral philosophy*. Moscow, Akademicheskii proekt Publ. (In Russian)
- Syrykh, Vladimir M. 2013. A materialistic understanding of law and justice. *Pravovedenie* 2: 18–34. (In Russian)
- Timoshina, Elena V. 2016. "God does not look on the face of man": the principle of formal equality in the context of Christian anthropology. *The principle of formal equality and mutual recognition of law*, ed. by Valentina V. Lapaeva, Andrei V. Poliakov, Vladislav V. Denisenko, 57–69. Moscow, Prospekt Publ. (In Russian)
- Timoshina, Elena V. 2018. The separative thesis of libertarian legal theory and the basis for the validity of law. *Trudy Instituta gosudarstva i prava RAN* 13 (4): 57–82. (In Russian)
- Trubetskoi, Evgenii N. 1998. *Encyclopaedia of law*. St Petersburg, Iuridicheskii institut Publ. (In Russian)
- Zor'kin, Valerii D. 2017. "The essence of law". *Lecture for the participants of the VII St Petersburg International Legal Forum on 18 May 2017*. Available at: https://spblegalforum.ru/ru/2017_RoundTable_Lecture_Zorkin (accessed: 07.11.2021). (In Russian)

Received: November 3, 2021
Accepted: November 13, 2021

Dzhenevra I. Lukovskaia — Dr. Sci. in Law, Professor, St Petersburg State University, 7–9, Universitetskaya nab., St Petersburg, 199034, Russian Federation; d.lukovskaya@spbu.ru